

УДК 94 (47). 084.8
DOI 10.52452/19931778_2024_2_103

САБОТАЖ – УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

© 2024 г.

М.А. Демидов

Общество изучения истории отечественных спецслужб, Москва

demidov71@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2024

В настоящее время актуальность борьбы с такой угрозой безопасности России, как деяния саботажного характера, признается на официальном уровне. Исторический опыт показывает, что борьба с саботажем является важным направлением обеспечения государственной безопасности. Общественная опасность саботажных проявлений увеличивается соразмерно росту интенсивности развития деструктивных факторов обстановки. В статье обращается внимание на взаимосвязь саботажа и вмешательства во внутренние дела государств посредством т.н. «цветных революций».

Цель данной работы заключается в исследовании проблем, связанных с организацией правового противодействия саботажу. В статье исследуются проблемные вопросы, возникающие в связи с необходимостью криминализации данного явления с учетом современных вызовов и угроз. В ходе исследования использованы методы: сравнительный анализ, систематизация, индукция, дедукция.

С целью формирования единого подхода к правовому регулированию борьбы с саботажем, организации эффективного и адекватного противодействия данной угрозе безопасности России предлагается законодательное оформление уголовно-правовых оснований и механизмов противодействия ему в соответствии с принципами обоснованности и законности, а также отнесение борьбы с саботажем к подследственности ФСБ России. Приводится и обосновывается вариант новой статьи УК РФ 281.4 «Саботаж».

Ключевые слова: саботаж, исторический опыт, криминализация, цветные революции, безопасность.

Саботаж – умышленное невыполнение или умышленно ненадлежащее исполнение лицом правомерно возложенных на него обязанностей, а равно заведомо недобросовестное использование им своих прав (злоупотребление правом), совершенные с целью нанесения ущерба безопасности Российской Федерации¹.

Исходя из этого определения, объектом состава данного преступления являются общественные отношения в сфере обеспечения безопасности государства. Сфера его проявления как материальная, например производство (промышленность), так и идеальная, например наука, просвещение. Субъект: лицо, достигшее 16 лет, имеющее определенные полномочия (обязанности), закрепленные документально и воспринятые субъектом. Данный элемент не привязан к наличию должностного статуса. Субъективная сторона – умышленная форма вины, только прямой умысел. Обязательным признаком является нацеленность субъекта на причинение ущерба безопасности России. Объективная сторона – полное либо частичное невыполнение возложенных обязанностей; ненадлежащее, некачественное или заведомо неэффективное исполнение возложенных обязанностей; заведомо недобросовестное использование своих прав (злоупотребление правом). Состав формальный.

Кроме того, вариант дефиниции, выработанный автором в ходе историко-правового исследования отечественного опыта борьбы с саботажем, предполагает и квалифицированные составы. Так, части 2–5 ст. 281.4 УК РФ предлагаются в следующей редакции: *Деяния, предусмотренные частью 1 данной статьи, совершенные в условиях чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, массовых беспорядков, контртеррористической операции, специальной военной операции, введения степеней мобилизационной готовности «военная опасность» и «полная», а также в условиях военного положения.*

Часть 3. Деяния, предусмотренные частью 1 и 2 данной статьи, совершенные:

а) лицом, занимающим государственную должность или должность в органах местного самоуправления;

б) должностным лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Часть 4. Организация, публичные призывы, финансирование, оправдание деяний, предусмотренных частью 1, 2 и 3 данной статьи.

Часть 5. Деяния, предусмотренные частью 4 данной статьи, совершенные с использованием средств массовой информации либо информа-

ционно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Развернутые обоснования криминализации саботажа публиковались автором в ходе изучения проблемы противодействия саботажу с 2015 г. в научных, рецензируемых изданиях ВАК – с 2017 г. [3–5]. В рамках данной статьи целесообразно только сжато обозначить ключевые выводы этих работ, а основное внимание уделить разбору аргументов противников криминализации саботажа.

Саботаж уникален в своей эффективности как средство торможения и остановки социально-экономического развития, но не прямого, агрессивного уничтожения его механизма. Общественная опасность саботажа возрастает при использовании его для нанесения ущерба в критических условиях, характеризующихся ограниченностью по срокам принятия и реализации экстренных решений. Даже гроссмейстер, попавший в цейтнот, может проиграть сопернику, который делает примитивные ходы, имея на своих часах большее расстояние от стрелки до флага. Саботаж поражает невосполнимый ресурс – время. В определенных критических ситуациях такой ресурс справедливо назвать историческим. Думается, что именно поэтому в обстановке, где «время терпит», система (в данном случае – государственная) может позволить себе применять более сложные правовые и иные процедуры обеспечения нужного хода своего развития и деятельности. В этих условиях ущерб от саботажа не столь ощутим и не столь общественно значим, так как данные проявления не успевают набрать разрушительной силы. Но в условиях, требующих ритмичного, ускоренного и прорывного развития, характер последствий сознательного неисполнения определенных обязанностей или умышленно ненадлежащего их исполнения резко усиливается. Когда время становится фактором, определяющим победителя, то общественная опасность возможного ущерба от саботажа повышается объективно.

Саботаж – социально-политическое явление, существующее независимо от отношения к нему законодателя. Явление, которое может находить внешнее выражение в виде деяний саботажного характера – деструктивного поведения, направленного на ослабление эффективности, подрыв и/или парализацию каких-либо общественно значимых процессов, отношений, а также на деформацию состояний каких-либо объектов воздействия, путём умышленного игнорирования установленных параметров поведения (временных, количественных, качественных требований) и/или умышленно ненадлежа-

щего исполнения правомерно возложенных обязанностей, а равно заведомо недобросовестного использования своих прав (злоупотребления правом). Общественная опасность саботажа возрастает при использовании его для нанесения ущерба в критических условиях, характеризующихся ограниченностью по срокам принятия и реализации экстренных решений, в условиях ЧП, ЧС, массовых беспорядков, КТО, СВО, введения степеней мобилизационной готовности «военная опасность» и «полная», а также в условиях военного положения. Особенности саботажа как угрозы безопасности государству обуславливают возможность адекватного пресечения его только уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными мерами, что в рамках действующих редакций УК РФ и УПК РФ не предусмотрено и требует его криминализации.

Саботаж признавался угрозой безопасности в периоды обострения политической обстановки в России: в кризисный период трансформации государственного механизма (1917–1918 гг. – декреты, постановления СНК, ВЧК и 1990 г. – Постановление Верховного Совета СССР от 23.11.1991, Указ Президента СССР от 30.11.1990), а также на мобилизационном этапе развития страны (с конца 1920-х до 1950-х гг. – УК РСФСР 1926 г.).

Очевидно, что Россия опять находится на острие разгоняющегося кризиса международной безопасности, что объективно ведет ее к мобилизационному варианту существования как единственно возможному способу сохранить народ, государство и их суверенитет. Определенная схожесть исторических вызовов предполагает и некоторую аналогию ответов, ранее уже показавших свою эффективность, однако при этом нельзя не учитывать имевшиеся недостатки формулировок и деформации правоприменительной практики.

Целесообразно обозначить некоторые отличия приведенной вначале дефиниции саботажа и некоторые её особенности, устраняющие недостатки ст. 58-14 «Саботаж» УК РСФСР 1926 года². Так, вместо указания «кем-либо» предлагается использовать термин «лицо» как наиболее определенный и понятный в современных условиях, к тому же формулировка «кем-либо» видится устаревшей и в УК РФ не задействуется. Еще одно отличие от предыдущей редакции состава «саботаж» заключается в некоторой двусмысленности использовавшегося советским законодателем текста: «неисполнение кем-либо определенных обязанностей». Этот оборот позволяет дать неоднозначную трактовку того, к чему именно можно отнести указанное слово «кем-либо» – формально

оно может быть соотнесено и с «неисполнением» (кто-либо не исполнил), и с «определением» обязанностей (кто-либо их определил). Термин «ослабление» исключен как имеющий оценочно-субъективный характер из-за отсутствия четких, бесспорных критериев определения такой преступной цели. Словосочетание «умышленно небрежное» также устранено как противоречащее современному уровню юридической науки, а также общей части УК РФ.

При изучении конкретных ситуаций становится понятно, что трудно отрицать существование саботажа как деструктивного явления. И объективность этой позиции подтверждается также тем, что этот термин и правовой механизм пресечения преступлений саботажного характера активно используется законодателями многих стран с разными формами общественного и государственного устройства, разными принципами построения правовых систем. В международных отношениях и политике данный термин также не забыт³.

И если указанное явление объективно существует, составляет ущербобразующий фактор и его проявления приобретают повышенную общественную опасность, то это дает основания для предложений по совершенствованию УК РФ, в части устранения проблемы в квалификации саботажа и его пресечения как угрозы безопасности государства.

Однако предложения по криминализации саботажа подверглись критике, озвученной с задействованием широкого спектра СМИ. Думается, что многие обоснования неактуальности и ненужности специальной статьи за «саботаж» выглядят иногда слишком узкими и упрощенными. Основной мотив критики криминализации саботажа можно ёмко выразить и характеризовать следующим примером из СМИ: 1) «Умысел – понятие субъективное, его проблематично доказать»; 2) «Статей УК РФ вполне достаточно для наказания недобросовестных сотрудников. Если умышленно причинил вред – диверсия, если неумышленно – халатность» [7].

По первому тезису необходимо отметить, что он скорее относится к манипуляции, чем к правовой дискуссии, так как наделяет ту или иную степень сложности в доказывании состава преступления неким регулирующим значением, делает ее правовым критерием. Сколько статей УК РФ можно оценить как излишние, опираясь на такой критерий, как сложность доказывания? Субъективная сторона всегда признавалась практиками-правоприменителями в качестве самого труднодоказуемого элемента состава преступления как такового.

Ко второму тезису критики криминализации саботажа можно добавить и нечто новое из текущих дискуссий [8], вызванных указанным в примечании № 1 мероприятием в СФ РФ:

3) «При отмене этой статьи УК в конце 50-х годов она была распределена по другим статьям, поэтому можно спокойно опираться на эти нормы». Состав саботажа был «разбит» в 1958 г. по другим статьям – диверсия, халатность, злоупотребление полномочиями, поэтому отдельная статья не требуется.

Обсуждая данное возражение, стоит вспомнить обстоятельства отмены и особенности предполагаемого «распределения». Составы «диверсия», «халатность» и должностных преступлений существовали параллельно с «саботажем» на протяжении почти 30 лет, не дублировались друг другом, и критерии их разграничения от «саботажа» были четко определены и обоснованы [6]. Эти составы преступлений не перестали существовать и после 1958 г. по настоящее время. Вместе с тем при отмене ст. 58-14 УК РСФСР 1926 г. фрагмент дефиниции «саботажа» мог бы быть соотнесен, условно, только с одним составом – новой редакцией «Вредительства» (ст. 69 УК РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960). Однако несмотря на то, что понятием «вредительства», совершаемого путем бездействия, теоретически мог бы охватываться имевшийся ранее состав «саботажа», юридическая позиция о декриминализации выстраивалась на основе официального мнения о потере актуальности саботажа как такового, основанного исключительно на тенденциозных, пропагандистских мотивах. Утверждалось отсутствие саботажа на практике в связи с декларацией устранения антагонистических классов, достигнутой монолитностью советского общества и т.п. То есть – фактическим отсутствием потенциальных исполнителей данного преступления. С принятием УК РФ 1996 г. из системы отечественного уголовного законодательства с 01.01.1997 также полностью исключена и статья «Вредительство», и сам термин, в который формально был вкраплен элемент состава «саботаж».

К тому же вызывает сомнение уверенность в том, что какой-либо «раздробленный» конструкт, лишенный внутренней системной целостности, вполне пригоден для того, чтобы на него можно было «спокойно опираться».

4) «Важно помнить, что саботаж сыграл немаловажную роль во времена репрессий, когда по этой статье осуждали невинных людей».

Данная позиция скорее относится к первому варианту – манипулятивному характеру критики, так как невинных людей осуждали и в другие периоды и не только у нас, осуждают и сей-

час – смотрите практику отмен решений судов по уголовным делам. Кроме того, не все осужденные по ст. 58-14 УК РСФСР 1926 г. повально подлежат реабилитации (в т.ч. когда данное преступление совершено в совокупности со ст. 58-1 «Измена Родине»). Что касается возможных «репрессий» в современных условиях, это вопросы не к УК, а к организации и состоянию ведомственного контроля и прокурорского надзора за следствием и ОРД (подобных инструментов в современном законодательстве имеется с избытком), а также к качеству судебных процедур и адвокатской работы.

5) *«Наличие этой статьи подразумевает недемократический характер государства».*

Это странное суждение, не имеющее отношения к юриспруденции – см. примечание № 3, примеры из иностранных УК и международного права. Хотя сейчас оценка того, где более демократичное государство, а где менее, сама по себе уже вызывает хаотичную дискуссию из-за отказа от общепринятых критериев.

Возвращаясь ко второму тезису, содержащему основную, собственно юридическую часть критики, основанной на мнении об исчерпывающей полноте современного УК РФ, придется вначале задуматься о достижимости и надежности баланса постоянно меняющихся параметров общественных отношений и законодательства, призванного их защищать. Как правило, последнее – это реактивный ответ на изменения предыдущих. Но реакция на что-либо не всегда бывает своевременной и адекватной. Принять такой баланс не позволяет и ряд специфических свойств упомянутых уголовно наказуемых деяний, выбранных как замена «саботажа» (диверсия, халатность, злоупотребление полномочиями и др.). Их отличия от «саботажа» вносят существенные коррективы в квалификацию деяний и вызывают сомнения в обоснованности тезиса о том, что *«статей УК вполне достаточно».*

Как будет показано ниже, эффективность работы по сходным с «саботажем», а часто сопутствующим ему преступлениям, например должностным, не решает проблемы, т.к. узловые участки формирования угрозы остаются недостижимыми из-за специфических особенностей этого способа нанесения ущерба.

Так, например, в отличие от «саботажа» наиболее схожий с ним состав ст. 281 УК РФ «Диверсия» ограничен по следующим параметрам: целями – только подрыв экономики и обороноспособности (просветительская, социальная, научная, культурная и т.п. сферы общественных отношений не являются объектом защиты для данной статьи); формами преступных действий – совершение взрыва, поджога иных

действий (подразумеваются только активные действия) и их направленностью – именно на разрушение, повреждение, а не на торможение или парализацию работы без существенного нарушения целостности; состав ст. 281 УК РФ «Диверсия» – материальный. Однако при саботаже опасность представляет деструктивное поведение само по себе, его направленность, независимо от наступления последствий (состав саботажа являлся формальным).

В свою очередь, с «халатностью» (ст. 293 УК РФ) «саботаж» разграничивает не только наличие ущерба определенного размера («халатность» – материальный состав), но и форма вины («халатность» возможна только по неосторожности). К тому же состав «халатности» также имеет ограничение при квалификации по статусу субъекта (должностное лицо).

Аналогично дело обстоит и с иными «должностными» преступлениями (глава 30 УК РФ), предполагающими определенный статус субъекта, необходимый размер ущерба, а также корыстную или иную личную заинтересованность (персонифицированная выгода). При этом стоит отметить, что к «иной личной заинтересованности» неотнесимы идеологические, политические побуждения⁴.

Кроме того, «должностные» преступления (глава 30 УК РФ) не в полной мере могут быть применены по фактам реального саботажа еще и потому, что саботажником может выступать лицо, не имеющее соответствующего «служебного» статуса. Например, крупные акционеры, собственники юридического лица (предприятия, банка, экспертной организации и т.п.), иные участники гражданско-правовых отношений, имеющие влияние на выполнение стратегических, международных, оборонных и т.п. контрактов и обязательств, определяющих состояние безопасности государства, исполнители государственных проектов и поручений, а также связанные с этими направлениями исполнители коммерческих заказов в рамках ОПК.

О значимости для обеспечения безопасности и обороноспособности страны позиции некоторых участников «рыночных отношений» (собственников, руководителей, акционеров) говорит такой факт: по сообщению ТАСС от 17 января 2023 года, «Президент России Владимир Путин подписал указ, устанавливающий временный порядок принятия решений в крупных российских акционерных обществах в сфере энергетики, машиностроения, торговли. Органы их управления смогут принимать решения без учета голосов акционеров из недружественных стран» (Указ Президента РФ № 139 от 03.03.2023 «О некоторых вопросах осуществле-

ния деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа»).

Также примером фактического саботажа защиты интересов государства может служить достаточно распространенная проблема по уголовным делам, связанным с нанесением ущерба госкорпорациям, их филиалам или аффилированным юрлицам. Данная проблема заключается в зачастую немотивированном, но категоричном отказе руководства данных фирм признавать сам факт понесенного ущерба от преступлений, совершенных в отношении имущества руководимых ими предприятий (хищения, повреждения, халатность и т.п.). Такое положение вещей приводит не только к уклонению от уголовной ответственности преступников, но и отсутствию возможности восстановления нанесенного ущерба. Как правило, такое противодействие расследованию (и последующему возмещению ущерба) мотивируется руководством юридических лиц нежеланием понести «репутационные издержки», что выглядит слабоубедительно, учитывая публичность сведений о совершенных преступлениях, а также информированность вышестоящих управленческих структур в обязательном порядке в рамках следствия (например, запросы по служебной документации предприятий, а также о признании и уточнении размера ущерба и т.п.).

Статья 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями в коммерческой или иной организации») также не пресекает угрозы «саботажных проявлений», так как предполагает ряд соответствующих ограничений: обязательным является наличие узкой цели – извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам. При этом для квалификации по этой статье (аналогично «должностным преступлениям») требуется закрепление за лицом управленческих функций и наличие ущерба от его действий (материальный состав). К тому же недобросовестное использование полномочий предполагается только вопреки законным интересам «этой организации».

Пример из экономической сферы – часть 5 ст. 159 УК РФ (от 03.07.2016): «Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба». От «саботажа» данный состав преступления отличается следующими аспектами: преступление «вырастает» исключительно из договорных, гражданско-правовых, предпринимательских отношений – наличие коммерческого договора. Преднамеренность невыполнения договора до-

казывается через объективную невозможность (заведомое отсутствие (несоответствие) необходимого оборудования, специалистов, финансов, иных сил и средств) выполнить условия договора – в этом состоит обман и злоупотребление доверием контрагента. В противном случае трудно выйти за рамки гражданско-правовой квалификации действий. Это все-таки в первую очередь должно быть именно мошенничество, то есть «хищение или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» – материальный состав в отличие от саботажа. Обязательным условием доказывания является нацеленность субъекта на «прибыль», корысть. Действие активное – обман или злоупотребление доверием (саботаж характеризуется пассивным поведением). Но в корыстных преступлениях целью является «прибыль», корысть субъекта преступления. А если он поступает наоборот, в очевидный *убыток себе* и своему предприятию посредством «преднамеренного неисполнения договорных обязательств» срывает оборонный заказ? В качестве современного примера такого «убыточного» мошенничества, для наглядности понимания по аналогии, можно привести тот образ действий, который представляет из себя самоубийственное санкционное «аутодафе»⁵ стран Евросоюза, а также юридических и физических лиц, присоединившихся к экономической войне против России, как внутри, так и вовне.

Предтечей криминализации саботажа (в экономической сфере) можно было бы считать новую ст. 201.3 УК РФ «Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа» (введена ФЗ от 24.09.2022 № 365-ФЗ)⁶.

Данная статья строится на факте существования обязательств, вытекающих напрямую из содержания ФЗ, то есть если заключение государственного контракта либо договора является обязательным в соответствии с конкретным федеральным законом. Эта сфера сильно пересекается с гражданско-правовыми отношениями, особенно учитывая размытость понятия «уклонение» от сделки в коммерческой деятельности. Кроме того, субъект преступления должен иметь всю полноту полномочий по заключению контрактов определенного вида, что должно быть закреплено в уставе юридического лица, или требовать определенного решения акционеров и т.д. Возможно, именно поэтому лицо подлежит уголовной ответственности не сразу, а только после наложения на него администра-

тивного наказания за деяние, предусмотренное частью 1 или 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ. Такая же ситуация и с квалификацией ст. 330.1 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах»⁷.

Дополнительно стоит отметить, что действие ст. 201.3 УК РФ не распространяется на процесс реализации конкретного гособоронного заказа (далее – ГОЗ), качество и сроки его выполнения. Устанавливается наказуемость отказа от принятия на себя договорных обязательств перед государством, т.е. отказа или уклонения от обязанности принять на себя экономические обязательства. Но и принятие на себя этих обязанностей не гарантирует защиты от их саботирования. Достаточно внимательно изучить проблемные ситуации с так называемыми «безальтернативными поставщиками» и их возможностями по умышленной парализации ГОЗ. Формально в таких ситуациях нет состава ст. 201.3 УК РФ – «отказа или уклонения от заключения государственного контракта по ГОЗ» (он уже заключен). Однако «безальтернативный поставщик» имеет все возможности безнаказанно тормозить циркуляцию, например, технологических, финансовых документов, без которых стопорится дальнейшая работа. Сотрудники юрлица должны их предоставить. Но конкретное заинтересованное лицо, зная, что предприятие является единственным исполнителем (буквально «безальтернативным»), и в силу своей осведомленности, опыта и должностного положения не может не осознавать, что проблемы с поставками его документации или продукции заблокируют выполнение оборонного заказа, а это, в свою очередь, неизбежно скажется негативно на обороноспособности Родины, ведущей СВО. При этом это могут быть как должностные лица юрлица, так и граждане, не имеющие этого статуса, – от акционеров до секретаря-делопроизводителя.

Кроме того, имеется проблема и с заключением договоров на поставку комплектующих с руководством юрлиц, которые не включены в списки «безальтернативных». Данные предприятия уклоняются и саботируют заключение договоров, связанных с ГОЗ, мотивируя это надуманными, оценочными критериями, не поддающимися объективному определению. В подобной ситуации особое значение приобретает необходимость выявления истинной мотивации такого поведения, наносящего ущерб безопасности, например, если это – воинствующее несогласие с суверенной позицией государства и осязаемое содействие поражению в СВО в обмен на восстановление своего места во «вхож-

денческом тренде в Запад», то есть – нанесение ущерба России по идейным соображениям. Очевидно, в таком случае основой поведения является уже не коммерция.

Отдельную проблему, как и в период Великой Отечественной войны, составляют сложности с выполнением рекламаций по качеству продукции и своевременному устранению брака и других недостатков. Подобные возможности по оказанию воздействия на обороноспособность и безопасность России приводят к серьезным задержкам исполнения ГОЗ (на период лета 2023 г.) и проявились также в фактах умышленного срыва конкурсных процедур, связанных с производством продукции, задействованной в реализации ГОЗ. В условиях, когда и заказ выгодный, и предприятие может или прямо предназначено для подобных работ, и оплата гарантирована в срок, но от конкурса уклоняются или внезапно снимаются. Умышленно. Мотивация разная, в том числе и по причине возможных *международных санкций персонально* к руководству юридического лица. То есть деяния, наносящие ущерб безопасности страны, совершаются в интересах враждебных России иностранных государств, в соответствии с их правилами и предписаниями, направленными на уничтожение нашей страны (что прямо декларируется в официальных политических документах противника). При этом данные преднамеренные акции, очевидным и объективным образом замедляющие работу по обеспечению обороноспособности, осуществлялись в рамках ГК РФ и возможностей, формально предоставляемых иными НПА, связанными с проведением конкурсов. В данной ситуации ст. 201.3 УК РФ также неприменима, так как отсутствует «отказ или уклонение», просто нет конкурса – нет заказа – нет обязательств...нет состава преступления, даже если будет зафиксирована негативная, антигосударственная политическая позиция конкретных руководителей и их понимание неизбежности наступления ущерба безопасности России.

Также в качестве примера некоего аналога статьи «Саботаж» в сфере внешнеэкономической деятельности можно считать ст. 193 УК РФ: «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации» (состав материальный). Схожие особенности в специфичности субъекта преступления имеет и ст. 330.2 УК РФ «Неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного доку-

мента, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве». Однако квалификация по иным, «схожим» с саботажем составам преступлений, не охватывает в полном объеме все его особенности. Основными отличиями сходных по объективным свойствам с «саботажем» являются либо нанесение ущерба иным объектам, нежели «саботаж» (ч. 5 ст. 159; ст. 281 УК РФ), либо наличие иной цели, преследуемой виновным при их совершении (ст. 201), и формы вины (ст. 293), либо узко очерченным правовым статусом субъекта преступления (ст. 201.3; глава 30 УК РФ, ст. ст. 330.1; 330.2), обязательным наличием ущерба (ст. ст. 281; 193), либо сочетание этих отличий.

Еще одна опасная особенность саботажных проявлений, наносящих ущерб государственной безопасности, – эти действия могут совершаться автономно, в отличие, например, от такой формы совершения «государственной измены» (ст. 275 УК РФ), как «оказание иной помощи ...», без обязательной привязки субъекта к зарубежным интересантам и руководителям.

Учитывая изложенное, можно прийти к выводу, что несмотря на то, что саботаж может быть отнесен к умышленным поступкам, нарушающим установленные нормы и наносящим ущерб охраняемым общественным отношениям, фактически он, как деструктивная форма поведения, ненаказуем в современном законодательстве России, несмотря на существенные, стратегические обострения международных отношений и повышения реальной общественной опасности саботажных поступков. Имеющиеся статьи УК РФ 1996 г. не отражают ряд специфических свойств саботажных проявлений, не позволяя организовать эффективное противодействие данной угрозе безопасности. В итоге обозначается наличие следующей проблемы: инструментарий современного отечественного законодательства, в отличие от законодательства ряда ведущих стран мира, включая и страны НАТО, не дает возможности эффективного пресечения саботажных проявлений, адекватного реальной общественной опасности, которую они могут приобретать в определенных условиях. Такое положение укладывается в логику развития и совершенствования правовой системы и законодательства, которые «всегда стимулируются необходимостью разрешения главного противоречия – между новыми объективными процессами развития общества и государства и отставшей юридической формой их отражения» [9, с. 12].

Криминализация законодателем определенного вида поведения нацеливает правоохранительный блок на защиту тех сегментов обще-

ственных отношений, где возникают негативные процессы, разрушительный характер которых увеличивается прямо пропорционально усложнению международного положения страны и внутривнутриполитической ситуации. При таких тенденциях общественная опасность «умышленных ошибок» и т.п. саботажных проявлений увеличивается соразмерно росту интенсивности развития деструктивных факторов обстановки. Критические ситуации не только могут использоваться для нанесения максимально возрастающего ущерба безопасности государства относительно легкими способами – бездействием – саботажем, но и изначально имеют внешнего «автора», нацеленного на создание условий применения «ненасильственных» методов и т.п. способов из арсенала «гибридной войны».

Разработчик технологии таких методов агрессии – Джин Шарп в своем трехтомнике «Политика ненасильственных действий», изданном еще в период первой холодной мировой войны [10], устанавливает «саботаж» как один из действенных методов (направления, алгоритма) реализации государственных переворотов. Основным принципом реализации теоретически обоснованной Шарпом тактики антигосударственных действий, уже неоднократно доказавшей свою эффективность, является именно совокупность якобы «ненасильственных» мер, осуществляемых приемами социального, экономического и политического **саботажа** (в оригинале: «Sabotage and nonviolent action»). Шарп рекомендует следующие акции: «Задержки и препятствия работе учреждений»; «Намеренная неэффективность работы и избирательный отказ от сотрудничества исполнительных органов»; «Псевдолегальные уловки и задержки»; «Отказ от сотрудничества мелкими правительственными органами»; «Выборочный отказ в помощи представителям правительства», «Блокирование передачи команд и информации» и т.п. Фактически основная цель этих действий – парализация иммунитета системы, ее способности организовать и реализовать адекватные и своевременные защитные меры. При этом исполнителю далеко не всегда требуется иметь статус должностного лица для реализации саботажа.

Общественная опасность саботажа, нацеленного на ущерб безопасности государства (имеющего специальную цель), не позволяет отнести его к иным сферам непосредственного правового регулирования, кроме уголовной. Он не может быть достаточно эффективно предотвращен вне уровня уголовной ответственности (соответственно, субъектом саботажа может быть только физическое лицо). Саботаж без наличия этой своей «специальной цели» имеет

менее значимую опасность и, при иных обстоятельствах, при наличии иной мотивации и нацеленности, деяния, внешне схожие по своей природе с саботажем, теоретически могут быть пресечены посредством уже имеющихся норм ГК РФ, КоАП РФ, Трудового кодекса РФ или в дисциплинарном порядке в рамках иных НПА (устав вуза, НИИ, положение об общественной организации или органе местного самоуправления и т.п.). Такой подход является гарантией от привлечения к уголовной ответственности за малозначительные факты бездействия, не нацеленные на ущерб безопасности.

Возможность эффективного противодействия деяниям саботажного характера, как угрозе безопасности государства, **отсутствует** без наличия уголовно-правовых норм, сформированных в соответствии с принципами обоснованности и законности, криминализирующих саботаж и относящих противодействие ему к компетенции органов безопасности. Автор исходит из следующей позиции, обосновывающей, что имеется общественная опасность и у некриминализованного поведения: общественная опасность бывает разных уровней (как повышенная, так и иная); криминализация конкретного вида поведения – это решение законодателя, которое выступает следствием очевидной (объективной) общественной опасности поведения, создающего угрозы общественно значимым отношениям. «Опасность» выступает не следствием признания законодателем поведения криминальным, а основанием принятия такого решения. Сначала осознается реальная возможность наступления значимого ущерба (опасность) от какого-либо поведения, а затем следует его криминализация. Именно на такое «осознание» и направлено, среди прочего, данное исследование.

Рамки содержания современного уголовного права требуют определить безопасность государства в качестве объекта деяний саботажного характера. ФЗ № 390-ФЗ от 28.12.2010 «О безопасности» закрепляет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в первой же статье *уравнивает* понятия «безопасность» и «национальная безопасность»⁸. Содержание последнего и связанных с ним терминов раскрывается далее в ч. 5 Стратегии национальной безопасности. Таким образом, саботаж, имеющий направленность на ущерб перечисленным там объектам, может рассматриваться как деяние, относящееся к пре-

ступлениям, чей родовой объект указан в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти», и в частности, имеющим своим непосредственным объектом (применительно к структуре действующей редакции УК РФ может быть обозначен как видовой объект⁹) тот, который указан в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Данная классификация подтверждается на основании анализа таких критериев, как характеристики объекта преступления; общественная опасность; форма вины. Поэтому предлагается и соответствующая нумерация новой статьи УК РФ «Саботаж» – 281.4, и отнесение ее к прямой подследственности органов безопасности России (пп. 2 ч. 2 ст. 151 УПК РФ).

Криминализация саботажа даст дополнительный профилактический эффект для обеспечения безопасности личности, общества и государства, повысит степень управляемости задействованными государством силами и средствами. Правоохранительным органам наличие уголовной статьи за саботаж позволит более эффективно организовывать профилактическую работу, в том числе путем объявления официальных предостережений, введенных как инструмент профилактики преступлений ФЗ РФ № 337 от 16.10.2019 «Об официальном предостережении».

Правовая регламентация противодействия саботажу в особых условиях также позволит устранить предпосылки для вынужденного «притягивания» квалификации общественно опасных деяний к наиболее схожему составу преступления, исходя из законодательства «мирного времени». Иначе попытки силовых структур не допустить ущерб и обеспечить действенное управление подобными способами будут расценены как нарушения прав и законных интересов граждан, со всеми вытекающими последствиями – от реабилитации общественно опасных лиц и выплат им значительных компенсаций до привлечения к ответственности самих сотрудников, допустивших такие нарушения.

Выявленная историческая обусловленность и динамика появления, развития и прекращения правотворческих и правоприменительных процессов противодействия саботажу дает основания для теоретического обоснования порядка правового регулирования борьбы с саботажем и в современный период. Конституция РФ 1993 г. гарантирует права и свободы человека и гражданина, защиту жизни, здоровья, собственности от преступных посягательств. Реализация данных гарантий (защищенность указанных объектов) *функционально и неразрывно взаимосвяза-*

на и взаимозависима с дееспособностью институтов гражданского общества и государственной власти, с защищенностью национальных интересов России, круг которых дан в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», составленном в соответствии с Федеральными законами от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Примечания

1. Такая авторская дефиниция части 1 предлагаемой новой статьи УК РФ 281.4 «Саботаж» и развернутая юридическая аргументация соответствующих позиций приобщены к материалам круглого стола, проведенного Комитетом Совета Федерации РФ по конституционному законодательству и государственному строительству 19 февраля 2024 г., на тему «Об установлении уголовной ответственности за саботаж». По результатам данного мероприятия под руководством сенатора от Республики Крым О.Ф. Ковитиди участники пришли к общему мнению об особой актуальности и необходимости борьбы с деяниями саботажного характера [1]. Данное мероприятие было общедоступно в режиме прямой трансляции на официальном сайте Совета Федерации РФ [2].

2. Редакция ст. 58-14 УК РСФСР 1926 г. (отменена в 1958 г.): *сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата* [6].

3. Современные примеры криминализации деяний саботажного характера: УК Франции, книга 4 «Преступления и проступки против нации, Государства и общественного спокойствия»: ст. ст. 411-9, 413-2, 413-6 разд. 4, гл. 1, кн. 4 УК Франции; США Свод законов §§ 2151-2157, гл. 105 («саботаж»), часть 1, раздел 18; УК ФРГ ст. ст. 87 (агентурная деятельность в целях саботажа), 88 (антиконституционный саботаж), 89 (антиконституционное воздействие на бундесвер и органы общественной безопасности), 109а (уклонение от воинской обязанности путем обмана), 109е (саботаж, направленный против оборонительных средств); УК КНР ст. 380 (отказ от поставок в войска заказанного товара или умышленное затягивание поставок в военное время), а также схожие по своему способу совершения преступления, предусмотренные ст. 300 (препятствование исполнению законов через деятельность сект, суеверий, предрассудков), 304 (крайняя безответственность почтовых работников, умышленное затягивание пересылки почты), 381 (отказ от реквизиции для нужд армии в военное время). В большинстве случаев диспозиции указанных статей зарубежных уголовных законодательств одновременно включают в себя и преступления, квалифицируемые по УК РФ как «диверсия» (УК Франции: ст. 411-9), а также членовредительство (109с УК ФРГ (исключена в

настоящее время)) или как «вредительство», если пользоваться терминологией УК РСФСР 1926 г. (ст. 87 УК ФРГ; США Свод законов § 2151–2157).

В международных отношениях и политике данное понятие также не забыто: ст. 3.2.3, приложение D, Межгосударственный стандарт ГОСТ ISO 14971-2011 (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии России от 13 декабря 2011 года № 1261-ст); комментарий министерства юстиции США о наложении штрафа на банк BNP Paribas в связи с «саботажем внешнеполитического курса страны» и др. Комментарий министерства юстиции США о наложении штрафа на банк BNP Paribas: «Пример BNP Paribas должен стать предупреждением, что США готовы проводить политику санкций на всех уровнях. Размер штрафа имеет ясную внешнеполитическую составляющую. Хозяйствующим субъектам непозволительно заниматься **саботажем** внешнеполитического курса страны».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Пункт 16.

5. Акт веры, церемония с покаяниями, осуждениями, заканчивающаяся сожжением еретиков.

6. «Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию за деяние, предусмотренное **частью 1** или **2 ст. 7.29.2 КоАП РФ**, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, **если заключение таких государственного контракта либо договора является обязательным в соответствии с федеральным законом**».

7. Совершенное лицом после его привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного **ч. 1 ст. 19.34 КоАП РФ**, два раза в течение одного года.

8. Статья 1 ФЗ № 390-ФЗ от 28.12.2010 «О безопасности»: «Настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (**далее – безопасность, национальная безопасность**) ...».

9. Трехступенчатая классификация объектов преступления (общий, родовой, непосредственный) соответствовала структуре УК РСФСР 1926 и 1960 гг., Особенная часть которых официально делилась только на главы. УК РФ имеет еще и деление на разделы, объединяющие отдельные главы, что, по мнению А.В. Наумова [11, с. 344–345], позволяет вспомнить о четырехступенчатой классификации объектов. При этом им делается отсылка к работе Е.А. Фролова (Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник научных трудов СЮИ. Вып. 10 / Редкол.: Р.Р. Галиакбаров и др. Свердловск, 1969. С. 184–225).

Список литературы

1. Электронные источники в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/ro>

itics/v-sovfede-predlozhili-ustanovit-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-sabotazh.html (дата обращения: 19.02.2024).

2. Электронные источники в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/streams/> (дата обращения: 19.02.2024).

3. Демидов М.А. Борьба с саботажем как способ обеспечения развития промышленного производства СССР в период Великой Отечественной войны. Особенности квалификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 135–141.

4. Демидов М.А. Предпосылки криминализации саботажа в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 106–116.

5. Демидов М.А. Влияние саботажных угроз на процесс формирования системы правового регулирования обеспечения безопасности советской власти в 1917 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 100–108.

6. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарии / З. Вышинская, В. Меньшагин, А. Трайнин; Под ред.: И.Т. Голяков. 2-е изд. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946. 340 с.

7. Электронные источники в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/politics/30307020-v-ugolovnyu-kodeks-hotyat-vernut-statyu-za-sabotazh/> (дата обращения: 01.03.2018).

8. Электронные источники в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/nuzhno-li-vozvraschat-v-ugolovnyj-kodeks-rf-statju-zasabotazh-20-02-2024> (дата обращения: 11.03.2024).

9. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. Серия: Теория и практика уголовного права и уголовного процесса. СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2012.

10. Шарп Дж. Политика ненасильственных действий / Введение Т.К. Шеллинга. Подготовлено под эгидой Центра международных отношений Гарвардского университета. Бостон: Портер Сарджент, 1973. Часть I: Власть и борьба. 114 с. Часть II: Методы ненасильственных действий. 348 с. Часть III: Динамика ненасильственных действий. 466 с.

11. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021.

SABOTAGE IS A THREAT TO RUSSIA'S SECURITY

M.A. Demidov

Currently, the relevance of combating such a threat to Russia's security as acts of sabotage is recognized at the official level. Historical experience shows that the fight against sabotage is an important area of ensuring state security. The social danger of sabotage increases in proportion to the growth in the intensity of development of destructive factors in the situation. The article draws attention to the relationship between sabotage and interference in the internal affairs of states through the so-called «color revolutions».

The purpose of this work is to study the problems associated with organizing legal counteraction to sabotage. The article examines problematic issues arising in connection with the need to criminalize this phenomenon, taking into account modern challenges and threats. The following methods were used during the study: comparative analysis, systematization, induction, deduction.

In order to form a unified approach to the legal regulation of the fight against sabotage, organizing an effective and adequate counteraction to this threat to the security of Russia, it is proposed to legislate the criminal legal grounds and mechanisms to counter it in accordance with the principles of validity and legality, as well as attributing the fight against sabotage to the jurisdiction of the FSS of Russia. A version of the new article of the Criminal Code of the Russian Federation 281.4 «Sabotage» is presented and justified.

Keywords: sabotage, historical experience, criminalization, color revolutions, security.

References

1. Electronic sources on the Internet [Electronic resource]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-sovfede-predlozhili-ustanovit-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-sabotazh.html> (Date of access: 19.02.2024).

2. Electronic sources on the Internet [Electronic resource]. URL: <http://council.gov.ru/events/streams/> (Date of access: 19.02.2024).

3. Demidov M.A. The fight against sabotage as a way to ensure the development of industrial production in the USSR during the Great Patriotic War. Features of qualification // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2017. № 3. P. 135–141.

4. Demidov M.A. Prerequisites for criminalization of sabotage in modern Russia // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2018. № 4. P. 106–116.

5. Demidov M.A. The influence of sabotage threats on the process of forming a system of legal regulation of ensuring the security of Soviet power in 1917 // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2022. № 3. P. 100–108.

6. The Criminal Code of the RSFSR. Comments / Z. Vyshinskaya, V. Menshagin, A. Trainin; Edited by I.T. Golyakov. 2nd ed. M.: Legal Publishing House of the PCJ of the USSR, 1946. 340 p.

7. Electronic sources on the Internet [Electronic resource]. URL: <https://news.rambler.ru/politics/30307020-v-ugolovny-kodeks-hotyat-vernut-statyu-za-sabotazh/> (Date of access: 01.03.2018).

8. Electronic sources on the Internet [Electronic resource]. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/nuzhno-li-vozvraschat-v-ugolovnyj-kodeks-rf-statju-za-sabotazh-20-02-2024> (Date of access: 11.03.2024).

9. Dyakov S.V. Crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the state. Criminal law and criminological research. 2nd ed., corr. and add. Series: Theory and practice of criminal law and the criminal process. St. Petersburg: Publishing house «Law Center-Press», 2012.

10. Sharp J. The policy of nonviolent action / Introduction by T.C. Schelling. Prepared under the aus-

pices of Harvard University's Center for International Affairs. Boston: Porter Sargent, 1973. Part I: Power and struggle. 114 p. Part II: The methods of nonviolent action. 348 p. Part III: Dynamics of nonviolent action. 466 p.

11. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: a course of lectures. 6th ed., reprint and additional. M.: Prospekt, 2021.